

*Pallas Apollinam super mirata tabellam,
Hæc ait, ætatem Tibullivota colat.
Dædalumque optat: Nihil E. R. ROTUS artem,
Refertur ingenii Mægoni E. R. ROTUS operi.*

Й О Х А Н Х Ё Й З И Н Г А
Э Р А З М

Издание 2-е, переработанное и дополненное

СОСТАВЛЕНИЕ, ПРЕДИСЛОВИЕ И ПЕРЕВОДЫ: Д. В. Сильвестров
КОММЕНТАРИИ: Д. Э. Харитонович, Д. В. Сильвестров

Издательство

Иллюминатор

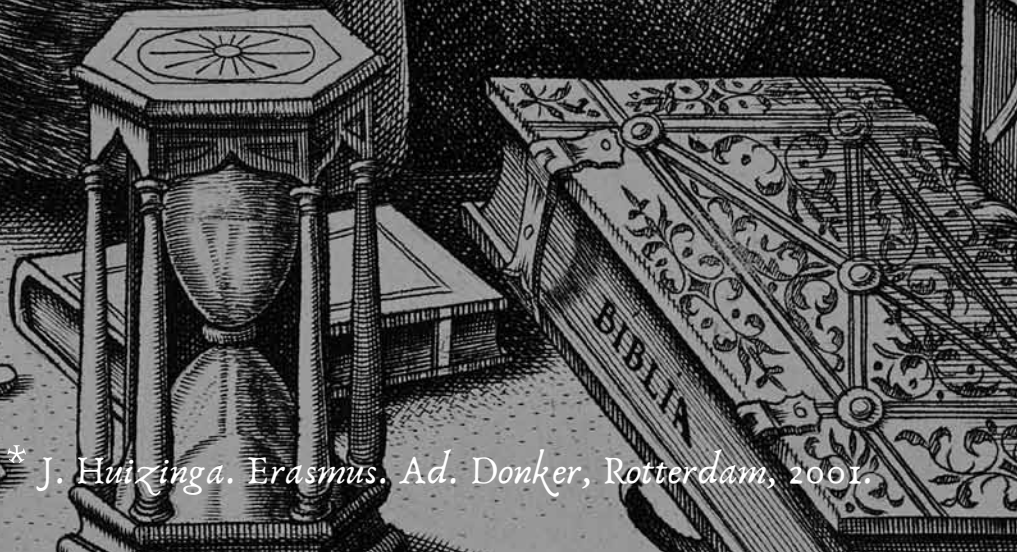
МОСКВА, ММХХІІ

er

ЭРАЗМ^{*}

Йохан Хейзинга

* J. Huizinga. Erasmus. Ad. Donker, Rotterdam, 2001.

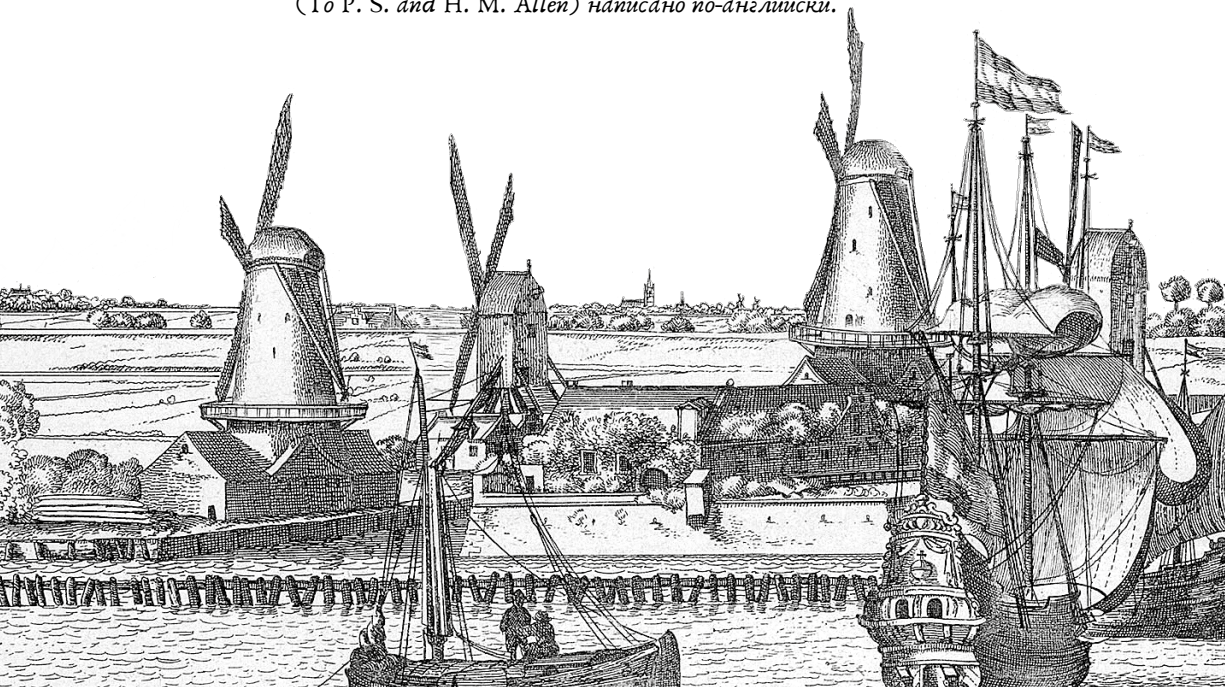
ПОСВЯЩЕНИЕ

П. С. И Х. М. АЛЛЕН*

Посвящая вам эту книгу, я испытываю чувство, словно дарю вам букет цветов, сорванных у вас же в саду. Мое единственное оправдание, что вы охватили все поле. Никто в наши дни не может подойти к изучению Эразма, не ступая по тропам вашего *Operis Epistolarum Erasmi* [Собрания писем Эразма], этого образца научных изданий, более того — поистине исторического тезауруса всего, что относится к великим духовным движениям эпохи Гуманизма и Реформации. Исследователь Эразма чувствует себя в полной безопасности, опираясь на вашу надежную и безукоризненную информацию. Но как только он выбирает путь, не проторенный вашим упорным трудом, он видит перед собой дикую чашу.

Когда пишешь небольшую книгу о жизни Эразма, главная трудность — не затеряться в неисчерпаемом богатстве предмета. Требуется постоянно себя ограничивать и опускать то, чего не следовало бы опускать. Вы, без сомнения, не увидите здесь больше, чем здесь найдете. Лишь неукоснительно придерживаясь того, что было важно для самого Эразма, я мог соблюсти требования прочной

* Посвящение Пёрси Стаффорду Аллену и Хэлен Мэри Аллен (To P. S. and H. M. Allen) написано по-английски.

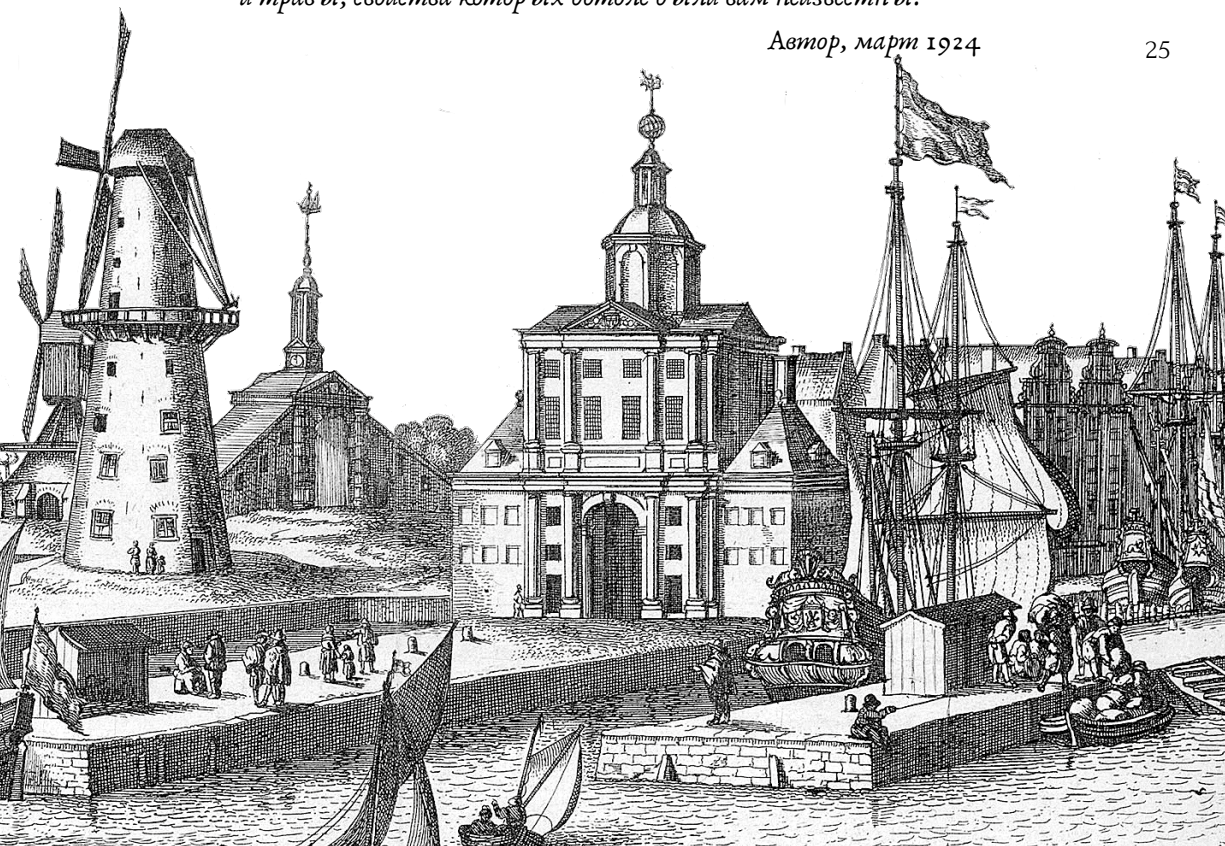
и целостной композиции. Всего несколько строк было уделено каждому из важных событий, на фоне которых шла жизнь Эразма. Всех его друзей и врагов, столь знакомых вам, я вынужден был оставить в тени. Даже Томаса Мора, Питера Гиллеса, Фробена и Беатуса Ренануса я мог затронуть лишь мимоходом, не говоря уже о Гуттене, Будеусе, Пиркхаймере, Беде и столь многих других.

Одно огорчает меня: вы несомненно сочтете мое мнение об Эразме не слишком благоприятным. Я был в состоянии представить его только таким, каким я его видел: но все же готов допустить, что, быть может, при всем мною сказанном, ваше более благожелательное суждение окажется более верным, ибо оно основано на знании и любви, которые были делом всей вашей жизни.

Возвращаясь к своей метафоре: буду рад, если вы обнаружите здесь цветы, подобранные так, что это доставит вам удовольствие, и травы, свойства которых доколе были вам неизвестны.

Автор, март 1924

25

↓
 Рулант
 Рогман.
 Ратуша
 Гауды.

Рисунок. 1646

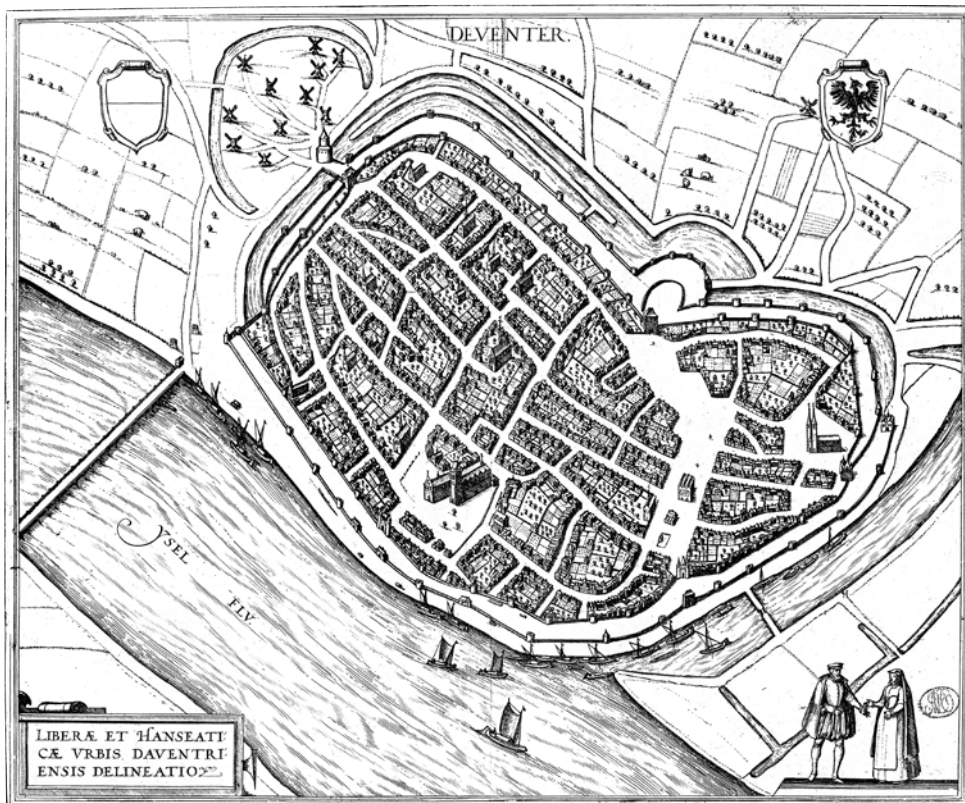
Ю. А. 447-87.

Отец возвращает его с братом обратно в Гауду, но вскоре после этого и сам умирает. Должно быть, он был весьма образованным человеком. По свидетельству Эразма, он знал греческий, в Италии ему доводилось слушать прославленных гуманистов, он переписывал классических авторов. После себя он оставил довольно ценную библиотеку.

Эразм с братом оказались под надзором троих опекунов, чьи старания и намерения Эразм впоследствии изображал в довольно неприглядном свете. Насколько он при этом преувеличивал, судить очень сложно. Нет сомнения, что опекуны, среди которых чаще всего упоминается некий Питер Винкел, учитель в Гауде, не имели особой склонности к новому классицизму, который уже успел воспламенить их подопечного.

«Если тебе снова заблагорассудится написать столь изысканно, то изволь позаботиться о комментариях» — так ворчливо отреагировал этот учитель на послание, над которым четырнадцатилетний Эразм трудился с особым усердием¹⁰. Безусловно, опекуны искренне считали богоугодным делом склонить молодых людей к поступлению в монастырь, но при этом также совершенно ясно, что для них это был наиболее удобный способ избавиться от своих обязанностей. Позднее Эразм объяснял поведение опекунов тем, что это была грубая и расчетливая попытка скрыть их собственное нечестное поведение, и видел здесь лишь недостойное злоупотребление авторитетом и властью. Но это не все: позднее эти события омрачили и образ брата, с которым тогда Эразм поддерживал сердечные отношения.

Затем Винкел отправил обоих юношей, девятнадцати и шестнадцати лет, снова в школу, на этот раз в Хертогенбосе. Они жили в братском доме, с которым была связана школа. Здесь не было ничего от того великолепия, которым славилась школа в Девентере.

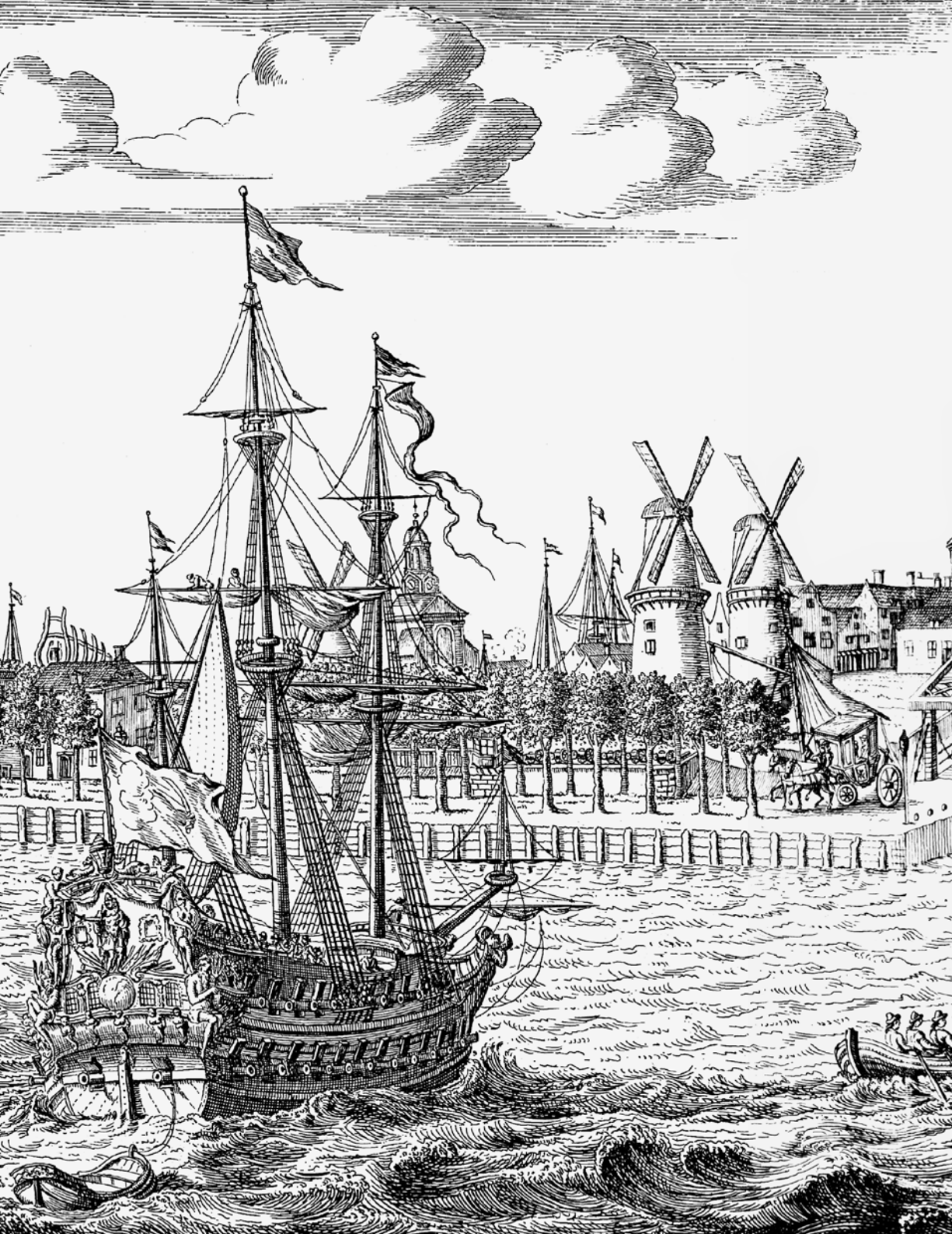

Единственной целью, говорит Эразм, было с помощью битья, порицаний и строгости сломить характер воспитанников, чтобы сделать их нрав пригодным для монастырской жизни. Именно этого, по мнению Эразма, и хотели опекуны. Хотя юноши были подготовлены к обучению в университете, их до него не допускали. Более двух лет потерял Эразм в этой школе.

Один из двух учителей, которых он там нашел, некий Ромбоут, был расположен к юному Эразму и пытался его убедить примкнуть к братству Общей Жизни. «Если бы я так и сделал!» — вздыхал позднее Эразм. Ведь братья не давали никаких безвозвратных обетов, подобных тем, которые ему тогда предстояли.

Эпидемия чумы стала поводом для того, чтобы оба брата покинули Хертогенбос и вернулись в Гауду. Эразм страдал от лихорадки, ослабившей его способность к сопротивлению, в котором он так нуждался. Ибо опекуны (один из троих к тому времени

↓
Франс Хогенберг.
Карта
Девентера.
Гравюра. 1582

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эразм — каноник в августинском монастыре Стейн в Гауде

- Его друзья • Письма к Серватию • Гуманизм в монастырях • Латинская поэзия • Отвлечение к монастырской жизни • Он покидает Стейн, чтобы поступить на службу к епископу Камбре, 1493 г. ❖ Якоб Баттус
- Антиварвары • Он получает отпуск, чтобы отправиться на учебу в Париж, 1495 г.

45

ишь значительно позднее, под влиянием мучительного сожаления, вызванного его монашеством и теми усилиями, которых ему стоило уклоняться от обязанностей монаха, представление обо всем этом в его сознании изменилось. Брат Питер, о котором еще из Стейна писал он с сердечностью, сделался ничтожеством, его злым гением, превратился в Иуду. Школьный товарищ вдруг стал предателем, который руководствовался исключительно корыстолюбием и избрал для себя монастырь лишь по причине лени и любви к собственному желудку¹¹.

Письма, которые Эразм писал из монастыря, не обнаруживают особого отращения к монастырской жизни, которое, как

11. Помимо *Compendium vitae*, A. № II, t. I, p. 47, и письма секретарю Апостольской канцелярии от 1516 г., A. 447, об этом имеется сейчас также письмо 1524 г., вероятно, Гелденхауеру, A. 1436, обнаруженное 2-й женой Аллен в Базеле, которое убедительно подтверждает ранее оспаривавшуюся подлинность *Compendium vitae*.

чего, кроме покоя и свободы, из-за собственной непоседливости и неспособности не чувствовать себя обиженным другими людьми никогда не мог найти для себя действительно надежного места или обрести подлинную независимость. Эразм относится к людям, для которых всегда есть лишь — завтра, завтра! вот только бы разделаться с этим, и тогда... Как только он подготовит новое издание *Нового Завета* и освободится от тягостных и неприятных богословских споров, в которые он был втянут вопреки своей воле, вот тогда хотел бы он уснуть, куда-нибудь спрятаться и «петь для себя и муз»⁴⁰⁰. Но это время так никогда и не наступило.

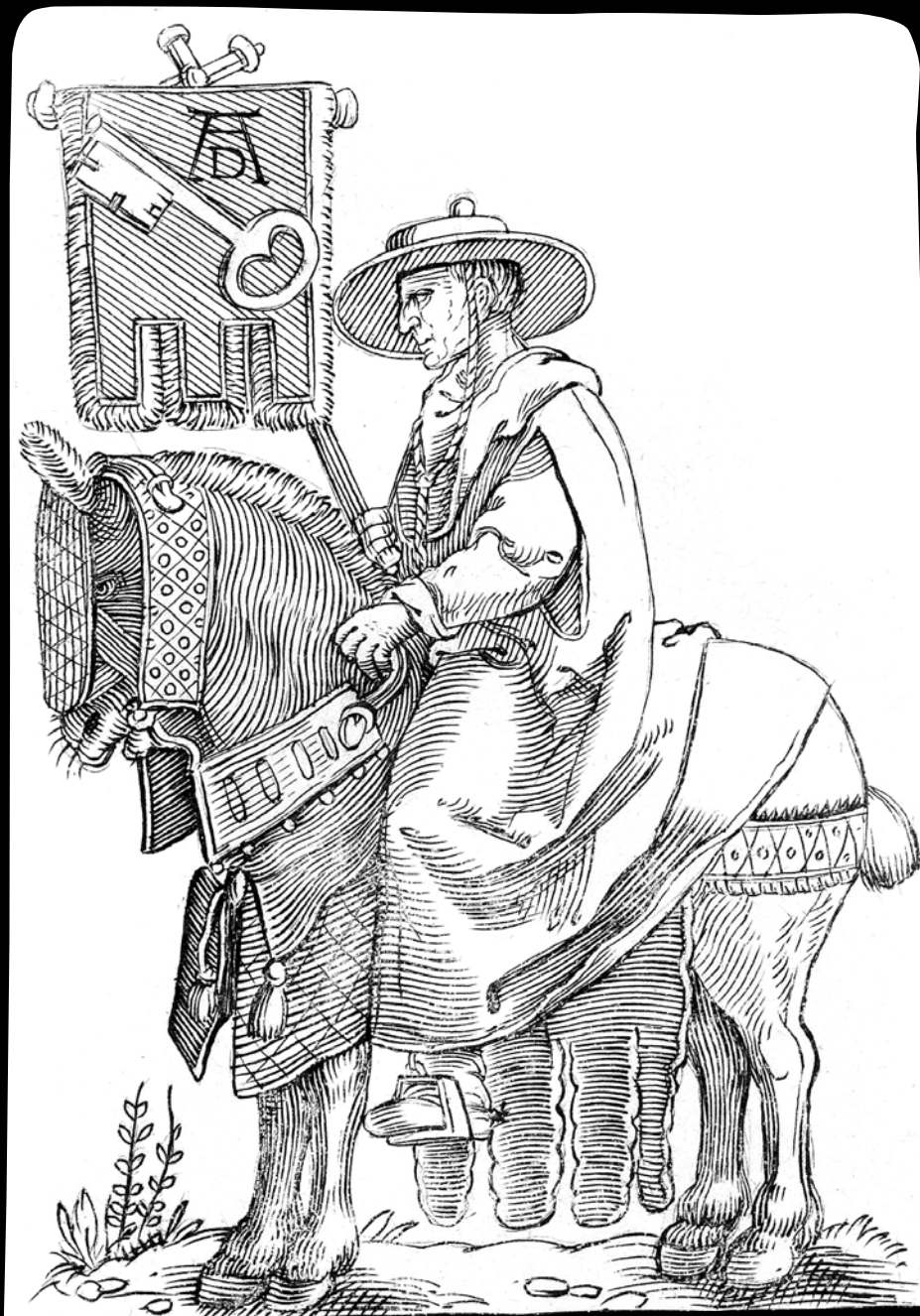
400. А. 726.6,
731.37, 784.17,
785.9, 826.2,
812.28.

Где бы он жил, если бы стал свободен? Испания, куда звал кардинал Хименес, его не привлекала. В Германии, говорит он, его отпугивают печи, к тому же там и небезопасно. В Англии противно то, что там от него требуют услужливости. Но и в Нижнеземелье не чувствует он себя на своем месте: «Здесь нужно все время лаять и при этом безо всякого вознаграждения; даже если мне этого и хотелось бы, долго бы я здесь не выдержал»⁴⁰¹. Однако он выдерживал это целых четыре года.

401. А. 597.47
etc.

У Эразма были хорошие друзья в Лувенском университете. Сначала он получил пристанище у своего старого приятеля, радушного Йоханнеса Палудануса, университетского риторика, дом которого он этим же летом сменил на пребывание в Коллегиуме Лилии*. Мартен ван Дорп, голландец, как и он сам, не отдалился от него, несмотря на полемику из-за *Мории*; его дружеское расположение было особенно ценно для Эразма, ибо ван Дорп был немаловажной персоной на теологическом факультете. И наконец, хотя его прежний покровитель, Адриан Утрехтский, впоследствии Папа, был отозван из Лувена, с которым был давно и глубоко связан, для принятия более высокого сана, влияние его из-за этого не только не уменьшилось, но еще более возросло; именно тогда Адриан был возведен в сан кардинала.

Эразм был весьма благосклонно принят лувенскими богословами. Их предводитель, вице-канцлер университета Жан Бриар ван Ат, к величайшему удовлетворению Эразма, вновь высказался одобрительно об издании *Нового Завета*. Вскоре и сам Эразм увидел себя в составе теологического факультета.

✦ Альбрехт Дюрер. Конный портрет Папы Адриана VI. Гравюра. 1522–1528

Императорский приговор был вынесен: книги Лютера должны быть сожжены в Империи (как до этого в бургундском Нижнеземелье), сторонники его арестованы и имущество их конфисковано, а сам Лютер должен быть выдан властям.

Эразм надеется, что теперь должен наступить перелом. «Трагедия Лютера здесь у нас завершилась; ах, если бы она вовсе не шла на сцене!»⁴⁵⁰ В эти же дни Альбрехт Дюрер, до которого дошли ложные слухи о смерти Лютера, оставил в своем путевом дневнике⁴⁵¹ страстные восклицания: «О Эразм Роттердамский, где ты пожелаешь остаться? Слушай же, рыцарь Христов, скачи рядом с Христом, Господом нашим, защищай истину, стяжай мученический венец. Ты ведь уже совсем старенький. Слышал я от тебя, что отвел ты себе еще два года, кои тебе потребны, дабы содеять нечто; проведи же их с толком, на благо Евангелия и истинной христианской веры... О Эразм, будь с нами рядом, дабы через тебя прославлен был Бог наш...»

Эти слова полны верой в возможности Эразма, но за ними все же скрывается представление, что ничего этого он не сделает. Дюрер хорошо понимал Эразма.

Борьба нисколько не стихла, и прежде всего в Лувене. Латомус, наиболее достойный и талантливый из лувенских теологов, стал теперь одним из самых серьезных противников Лютера и при этом неодобрительно относился к Эразму. К Николаасу ван Эгмонду, кармелиту, присоединился еще один ярый противник Эразма, его соотечественник Винсент Диркс из Хаарлема, доминиканец. Эразм обратился к факкультету, чтобы защитить себя от новых нападков и дать объяснение, почему он никогда письменно не выступал против Лютера. Сейчас он займется чтением его сочинений и примется за дело, чтобы дать улечься раздорам⁴⁵². Ему удастся сделать так, что Алеандер, прибывший в июне в Лувен, запрещает проповеди против Эразма. Папа все еще надеется, что Алеандеру удастся склонить на правильный путь Эразма, с которым тот продолжает находиться в дружественном общении.

Однако Эразм предпочел избрать тот единственный выход, который постепенно вырисовывался все больше и больше: а именно покинуть Лувен и вообще Нижнезе-

450. A. 1216.77,
след. 1203.

451. *Vetb-
Muller, Dürers
Reise, I, p. 81.*

452. A. 1217.137,
1225.239.306,
1219.115,
1236.93,
1228.48.

мелье, дабы вернуть себе независимость, над которой здесь уже нависла угроза. Предлог для отъезда имелся уже давно: третье издание *Нового Завета* вновь зовет его в Базель. Этот отъезд вовсе не навсегда, он полагает определенно вернуться обратно в Лувен⁴⁵³. 28 октября 1521 г. (свой день рождения) он покидает город, где провел четыре столь трудных года. Его комнаты в Коллегиуме Лилии остаются за ним, он оставляет там свои книги. 15 ноября он прибывает в Базель.

Вскоре распространяется слух, что он спасся бегством из страха перед Алеандром. Однако представление, которое в наше время, несмотря на решительное отрицание со стороны самого Эразма⁴⁵⁴, снова имеет место: что Алеандр намеренно и коварно изгнал Эразма из Нидерландов — страдает внутренним противоречием. Для Церкви Эразм везде был гораздо опаснее, чем в Лувене, оплоте консерватизма, где под присмотром жесткого бургундского режима его, вероятно, рано или поздно заставили бы служить политике, направленной против Лютера.

Именно этого последнего, что с полным правом Аллен выдвигает на первый план⁴⁵⁵, он боялся, именно от этого он хотел уклониться. Он бежал не ради того, чтобы обеспечить себе физическую безопасность. Не так-то легко было посягнуть на Эразма: он был слишком ценной фигурой в этой шахматной партии. Он видел, что под угрозой находится его духовная независимость, которая была для него превыше всего, и чтобы защитить ее, он так и не вернулся в Лувен.

✚
Неизвестный
гравер из школы
Альбрехта
Дюрера.
Портрет
Альбрехта
Дюрера.
Гравюра. 1527
или 1550–1570

453. A. 1209.4,
1257.10, 1233.188,
1239.19.

454. A. 1342.17–
155; *Spongia*
[Губка], LB. X,
1645.

455. A. t. IV,
p. 599; LB. X,
1612 C.

.....

A D V E R S U S S O L E M
N E M E I I T O

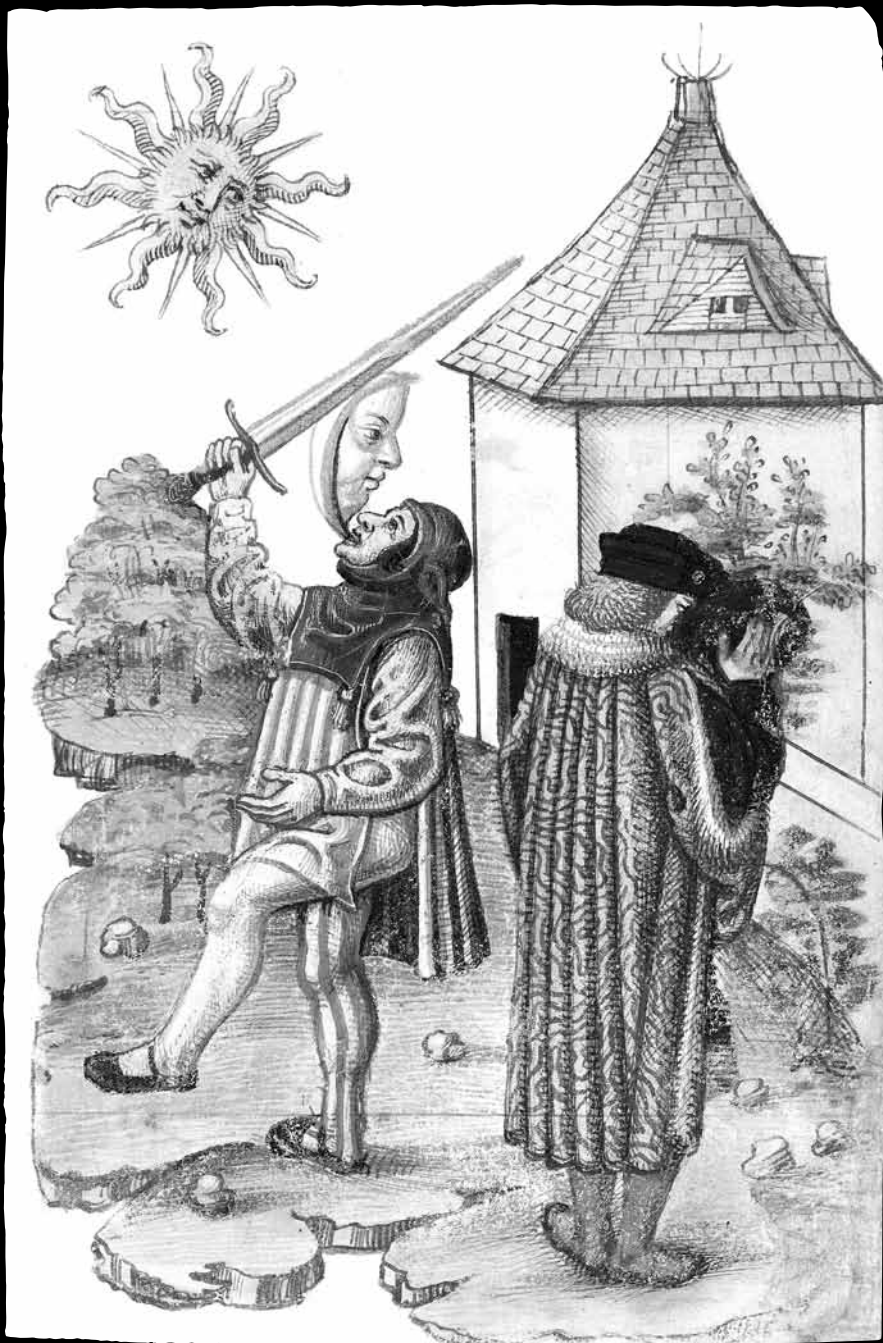
Н Е М О Ч И С Ь
П Р О Т И В С О Л Н Ц А

ρὸς τὸν ἥλιον τετραμμένον μὴ ὀμιχεῖν¹ — Не мочись против солнца.

П Полагаю, что по причине стыдливости. Хотя Плиний усматривает здесь суеверие; в книге XXVIII, в главе 19 он пишет: «По виду мочи можно было судить о том, что со здоровьем. Если утром моча прозрачна, а по прошествии времени окрашена, то в первом случае это говорит о ходе пищеварения, каковое, во втором случае, уже завершилось. Красная моча — плохой признак, темная — наихудший. Густая и пенистая — дурной знак. Белый осадок в моче указывает на боли во внутренностях или в суставах. Зеленый цвет мочи — на болезни желудка. Белёсой моча делается из-за жёлчи, красной — от крови. Неладно с мочой, ежели в ней комочки и бляшки. Жидкая и белёсая моча говорит о болезни. Крепкий, резкий запах мочи — у детей же, если она прозрачная и водянистая, — предвещает приближение смерти. Посему маги² запрещают обнажаться перед солнцем или луною, так же как и мочиться на чью-либо тень³. Гесиод советует мочиться, подойдя к стене, дабы не оскорбить кого-либо из богов своей наготою⁴. Место, на которое ссылается Плиний, и откуда, по-видимому, было почерпнуто и пифагорейское назидание, находим в сочинении "Ἔργα καὶ ἡμέραι [Труды и дни]:

Μηδ' ἄντ' ἡελίοιο τετραμμένους ὀρθὸς ὀμιχεῖν,
Αὐτὰρ ἐπεὶ κε δὴ μεμνημένος ἔς τ' ἀνιόντα.
Μήτ' ἐν ὀδῶμήτ' ἐκτὸς ὀδοῦ προβάδην οὐρήσης
Μηδ' ἀπογυμνωθεῖς, μακάρων τοι νύκτες ἔασσιν.
Ἐζόμενος δ' ὃ γε θεῖος ἀνὴρ, πεπνυμένα εἰδῶς,
Ἦ ὃ γε πρὸς τοῖχον πελάσας ἐυερκέος αὐλῆς —

Стоя и к солнцу лицом обратившись, мочиться не гоже.
Даже тогда на ходу не мочись, как зайдет уже солнце,
Вплоть до утра — все равно по дороге ль идешь, без дороги ль;

✦ «Не говори против Солнца» и «Не мочись лицом к Солнцу».
Рисунок. Франция. Ок. 1512/1515